

Однако если не можешь сохранить родную мать, то какой смысл быть императором?

Юн Ци вспомнил наложницу Ли, и сердце охватила боль, разрывая на части, а по спине пробежал холодок.

Превосходный ужин и атмосфера за столом были испорчены редкими и серьёзными словами Юн Линя о любви и преданности к родителям, а Юн Шань с Юн Ци незаметно для себя даже перестали есть и не проронили ни слова.

Юн Линь не знал, что мысли двух старших братьев вышли далеко за рамки его собственного воображения, и с удивлением спросил:

— Почему ничего не говорите? Не надо так! Я хоть и падок на развлечения, но даже у меня есть любовь и почёт к родителям. Иногда я говорю такие трогательные слова. То, что вы не хвалите меня, ладно, но ведь вы ещё смотрите так, словно призрака увидели. Да, кстати, слышал, что наложницу Ли тоже выпустили из Холодного дворца. Разве недавно её не поселили во дворе наследного принца? По-моему, когда старший брат Юн Шань выйдет, наложницу Ли наверняка выселят в её дворец, который отец-император, возможно, вновь восстановит. Старший брат Юн Ци, ты будешь жить с наложницей Ли или по-прежнему вместе со старшим братом Юн Шанем?

Юн Ци вспомнил те мрачные и тяжёлые дни, когда матушка насильно давала ему лекарство, и, услышав вопрос Юн Линя, внезапно задрожал. Не сдержавшись, юноша вскрикнул:

— Я не хочу с ней жить! — голос его был резким и взволнованным.

Испугавшись, Юн Шань прислонился к дрожащему Юн Ци:

— Старший брат, что случилось? Ты также боишься быть со мной вместе? — Юноша взял влажную от пота ладонь брата, которая была холодна, как лёд.

— Нет... — Юн Ци сжал руку старшего близнеца, словно боясь, что Юн Шань отпустит его. Юноша немного успокоился, его голос тоже стал не таким взволнованным, как раньше. Он медленно поднял голову и с умоляющим видом прошептал: — Я не хочу жить с матушкой. Если выйду из тюрьмы, я хочу жить во дворце наследного принца...

Такая странная просьба Юн Ци, который всегда испытывал любовь и преданность к родителям, совершенно не соответствовала его характеру.

Юн Шаня внезапно охватило сомнение, однако на лице была успокаивающая и непринуждённая улыбка, а сам юноша спокойно проговорил:

— Старший брат хочет жить со мной, лучше я и придумать не мог. Даже если переберёшься ко

мне, то также сможешь часто навещать наложницу Ли и справляться о её здоровье, в конце концов, она твоя матушка...

Увидев, что Юн Ци опустил голову и смело покачал головой, Юн Шань ещё больше убедился, что что-то не так, и, прекратив ходить вокруг да около, спросил:

— Наложница Ли что-то сделала со старшим братом, пока вы жили во дворце наследного принца?

Юноша онемел и, спустя долгое время покачав головой, бесцветно проговорил:

— Матушка хорошо ко мне относилась.

Юн Шань хотел ещё что-то спросить, однако в этот момент звук открывающейся двери прервал его.

Дверь распахнулась, в камеру сначала вошёл Ту Дун с двумя слугами, которые выполняли разные поручения. В спешке поприветствовав трёх сынов императора, слуги тотчас же отступили, встав около двери, вытянули руки и опустили головы, а вслед за ними в камеру вошёл Мэнь Ци, отвечающий за Дворец Наказаний.

За Мэнь Ци, который не был ни господином, ни слугой, медленно зашёл чиновник, держащий в руках ярко-жёлтый свиток.

Увидев вошедших слуг, три принца обомлели и неосознанно поднялись с места.

Всегда высокомерный Юн Шань сейчас, увидев седовласого старика, невольно взволновался и сделал два шага вперёд. Сдерживая крик, юноша позвал:

— Учитель.

Ван Цзинцяо был облачён в дворцовое платье первого по рангу чиновника, лицо было строгим, как и всегда, а в замутнённых старостью глазах, взгляд которых падал на Юн Шаня, промелькнула шелковинка любви и радости. Но стоило мужчине моргнуть, как это всё исчезло, а сам учитель, покашляв, сказал:

— Император издал высочайший указ. Прошу трёх Высочеств немедленно выслушать его.

Три юноши спешно вышли из-за стола и, опустившись на колени, стали тихо ждать, когда объявят волю отца-императора.

Твёрдо стоя на ногах, Ван Цзинцяо развернул ярко-жёлтый тонкий узорчатый шёлк, где был написан высочайший указ, и стал читать:

— Провозглашаю: старшему сыну Юн Ци явиться во дворец на аудиенцию к императору, быть посему.

Медленно и с хриплым голосом дочитав высочайший указ, в котором было всего несколько фраз, старый наставник остановился. Стоящие на коленях принцы застыли в ужасе, понимая, что кроме встречи с Юн Ци у отца-императора больше нет других намерений.

Юн Ци сказал:

— Сын государя подчиняется указу. — И, поклонившись в ноги, благодарил за милость. Его движения были хоть и медленными, однако в них чувствовалось спокойствие, словно юноша ждал, когда над головой нависнет угроза, однако в его мыслях не было и тени страха.

В мгновение ока во взглядах Юн Шаня и Юн Линя появилось одинаковое выражение, и с небольшой суровостью братья вместе сделали два шага вперёд, сказав:

— Учитель, мы тоже требуем аудиенции у отца-императора.

Подняв взгляд, Юн Линь посмотрел на стоящего над головой Ван Цзинцяо и добавил:

— Всё равно наставник Ван, выполняя указ отца-императора, поведёт старшего брата Юн Ци во дворец и как раз возьмёт нас с собой.

Ван Цзинцяо, опустив голову, посмотрел на юношей и, ни на волос не повышая голоса, проговорил:

— Получить аудиенцию у государя нужно согласно правилам. Два Высочества являются сынами императора, и, естественно, вполне понятно, что отец-правитель со своими подчинёнными-детьми — одно целое. Поскольку государь является отцом двух Высочеств, а также их государем, он не сказал, что хочет видеться с Вами. Давайте сделаем так: Ваш старый слуга передаст просьбу двух Высочеств и подождёт решения государя. — Договорив, учитель перевёл взгляд на Юн Ци и прошептал: — Ваше Высочество Юн Ци, государь ждёт, сделайте милость.

Последний поднялся с пола, в ногах не было сил, колени были слабыми, а перед глазами всё немного кружилось. Боясь, что Юн Шань будет беспокоиться, юноша, стиснув зубы, с трудом вернул себе стойкость и, смотря на двух младших братьев, легко улыбнулся:

— Никак не думал, что отец-император всё ещё беспокоится обо мне, это милость для меня. — И сделал шаг, собираясь уйти.

— Старший брат! — Юн Шань спешно шагнул вперёд и, схватив юношу за руку, собирался что-то сказать. Обернувшись, второй младший брат посмотрел на загадочного наставника, а потом на глупого и ничего не понимающего Юн Линя. Юноша всё-таки не имел понятия, как поступить, он только и знал, что держать руку старшего брата и не отпускать её, словно маленький ребёнок, который не хотел расставаться со своей игрушкой.

Понимая, что это ничего не решит, Ван Цзинцяо стал уговаривать:

— Наследный принц, позвольте Его Высочеству Юн Ци отправиться к государю. Это высочайший указ, которому следует подчиниться, пусть даже Вы — наследный принц. — Учитель вздохнул и, сделав шаг вперёд, намереваясь уйти, тихим голосом сказал: — Ваше Высочество, нужно до последнего сдерживать свой нрав.

Взгляд Юн Шаня внезапно дрогнул, а сам юноша обернулся и взглянул на Ван Цзинцяо так, словно хотел увидеть того насквозь.

И, спустя долгое время, сделал медленный и длинный вздох облегчения.

— Старший брат, идём, мне нужно кое-что сказать. — Всё так же держа руку Юн Ци, Юн Шань поднялся с колен, отвёл его в угол камеры и, внимательно осмотрев юношу, прошептал: — Старший брат, обещаю тебе, что при личной встрече с отцом-императором, невзирая на какие-либо вопросы, ты будешь следовать моим четырём словам. Понял?

Юн Ци, посмотрев на стоящего чуть поодаль Ван Цзинцяо, спросил:

— Каким четырём словам?

Прижавшись губами к ушку старшего брата, Юн Шань прошептал:

— Ничего не отвечай ему.

Немного отстранившись от юноши, Юн Шань внимательно посмотрел на старшего брата и спросил:

— Запомнил?

— Угу, — кивнул Юн Ци.

Юношу, идущего за Ван Цзинцяо, окружили шестнадцать дворцовых охранников, объяснив, что это для защиты, но на самом деле это было сделано, чтобы держать его под надзором.

От Дворца Наказаний и до императорского дворца их сопровождали холодные порывы ночного ветра. Юн Ци прошёл большую половину императорского двора, и сейчас, находясь за пределами дворца и ожидая, пока У Цай доложит государю о его прибытии, весь продрог от холода.

С большим трудом У Цай, получив высочайший указ, сказал принцу войти, и Юн Ци, исполняя указ, в одиночку шагнул в императорские покои. Как только он переступил порог опочивальни, горячий воздух тотчас же окутал его, да так, что затуманил разум, а тело стало бросать то в холод, то в жар, заставляя чувствовать себя некомфортно, отчего юноша нахмурил брови. Спустя длительное время, когда перед глазами больше не кружилось, Юн Ци ясно увидел Огненного императора Янь-ди, закутанного в одеяло и сидящего на императорском ложе. Заметив, что мужчина уже долгое время смотрит на него, юноша спешно опустился на колени и проговорил:

— Ваш сын приветствует отца-императора.

— Юн Ци.

— Здесь.

Хоть голос отца-императора звучал совсем не громко, и в нём слегка слышалась слабость больного человека, однако он не был торопливым и не замедлялся, наоборот, был умеренно грозным и внушительным, не показывая гнева и злости.

— Стоя на коленях, подойди, Мы хотим задать тебе несколько вопросов.

Юн Ци передвинул тяжёлые колени и, встав у кровати Огненного императора Янь-ди, низко опустил голову и нерешительно произнёс:

— Отец-император... о чём отец-император хочет спросить своего сына?

— После возвращения из Наньлиня, находясь во Дворце Наказаний, ты самовольно обратился к слугам, чтобы они передали письмо наложнице Ли?

Юн Ци никак не думал, что Огненный император Янь-ди прежде спросит об этом, поэтому он молча замер, в голове промелькнули слова, сказанные Юн Шанем: «Ничего не отвечай ему», однако, словно желая избавиться от них, юноша покачал головой.

Огненный император Янь-ди спросил:

— Что? Не было такого?

— Нет, было. — Юн Ци сделал глубокий вдох, обжигая лёгкие горячим воздухом, что царил в опочивальне. Голос юноши стал тише, а сам Юн Ци, внезапно набравшись смелости, поднял голову и, не отводя взгляда, уставился на собственного отца: — Ваш сын, находясь во Дворце Наказаний, действительно когда-то тайком передавал матушке письма. Только, конечно, из-за беспокойства о матушке в письме я справлялся о её здоровье, я не писал того, что могло бы нарушить закон. Прошу мудрейшего отца-императора принять это во внимание.

— Письмо лишь пустяк. Великий позвал тебя сегодня вовсе не из-за этого. — Огненный император Янь-ди, уклонившись от ответа, блёкло проговорил: — Во Дворце Наказаний, во дворце наследного принца у Великого есть свои уши, и он слышит многое. Мы спрашиваем тебя: Юн Шань вынуждал тебя? Не бойся, вы, два брата, Наша плоть и кровь, никто, кроме Великого, не окажет своего снисхождения. Скажи честно, и Мы, конечно же, по чести примем меры. Это Юн Шань начал?

— Нет.

— Повтори ещё раз.

— Не Юн Шань это начал.

Огненный император Янь-ди слегка изменился в лице, серьёзным взглядом смерил очень слабого и податливого старшего сына, встречаясь с ним взглядом, отчего внезапно посыпались искры, словно камень ударился о камень.

Юн Ци ответил лишь одной фразой, и как только чувство покоя, наоборот, заполонило сердце, юноша, не дожидаясь следующего вопроса Огненного императора Янь-ди, отчеканил каждое слово, говоря всё как на духу:

— Эти дела, если я поведаю о них, осквернят Зоркого и Чуткого [1], но если отец-император станет расспрашивать, то Ваш сын не посмеет скрывать тайну. А что касается дела Юн Шаня... то это Ваш ребёнок начал. Когда Вашего сына под конвоем доставили из пожалованных земель во Дворец Наказаний, Ваш сын был охвачен страхом и не знал, как самому выйти из беды, потому-то и придумал такой постыдный план. Юн Шаню лишь шестнадцать лет, он молодой, доверчивый, к тому же находится в расцвете сил...

Над головой внезапно воцарилась мёртвая тишина.

Юноша предположил, что Огненный император Янь-ди скоро впадёт в ярость, вот только он, Юн Ци, уже пошёл до конца, невзирая ни на что, ему было всё равно, предадут ли его линчи [2] или заживо четвертуют, в этот миг в душе царило спокойствие, неожиданно каждое слово тщательно обдумывалось, а слова звучали на редкость умно. Юн Ци вновь проговорил:

— Когда это началось, Юн Шань был на какое-то время одурачен своим старшим братом, но потом, вместо того чтобы шептать приятные речи Вашему сыну, он отправил Вашего сына во

дворец наследного принца, чтобы тот образумился. Однако титул наследного принца с самого начала принадлежал Вашему сыну, хоть Юн Шань относился к Вашему сыну превосходно, только Ваш сын в душе всё же чувствовал себя неловко, и тогда он возненавидел Юн Шаня из зависти. Воспользовавшись неосмотрительностью Юн Шаня, Ваш сын проник в тайник нынешнего наследного принца и, выкрыв письмо Гун Ухуэя, сжёг его, срывая свой гнев. У отца-императора ясный ум, словно чистое зеркало; Ваш сын сжёг письмо, но перед этим Ваш сын прочёл всё, что было там написано. Юн Шань ездил в императорскую тюрьму, чтобы получить наставления от Гун Ухуэя, и у него вовсе не было мыслей причинить вред императорскому секретарю.

Сделав паузу, юноша вновь добавил:

— Услышав, что Юн Шаня заточили во Дворце Наказаний, Ваш сын поначалу обрадовался, потому-то, проживая те дни во дворце наследного принца, молчал и не приходил к отцу-императору с повинной. На самом деле Ваш сын всей душой считал, что, кроме Юн Шаня, отец-император может вновь проявить любовь к Вашему сыну. Он никак не ожидал, что отец-император поступит таким же образом с Вашим сыном и заключит во Дворце Наказаний, а сейчас вновь призовет к себе, чтобы устроить допрос. Видимо, отец-император озарил тысячу ли и, как будто глядя на огонь, уже ясно увидел скрытую причину. В такой ситуации Ваш сын не может больше молчать: Ваш сын соблазнил Юн Шаня, украл и сжёг письмо и тайл истинное положение дел, Ваш сын единственный, кто во всём этом виновен. Отец-император, непочтительность Вашего сына достигла неба, он осквернил нормальные отношения между братьями. Напрасно отец-император и матушка наставляли, поэтому умоляю отца-императора предать Вашего сына смертной казни, чтобы оправдать ни в чём не повинного! — Приникнув к земле, юноша больше не проронил ни слова, лишь плечи сильно дрожали, выражая душевное волнение.

В большой опочивальне императора в одно мгновение воцарилась тишина.

Император впал в ярость, однако на лице не было ни тени злости.

Юн Ци, приникнув к полу, спустя долгое время услышал, как над головой раздался тяжёлый вздох.

— В ложном признании много трещин, — голос Огненного императора Янь-ди звучал невероятно спокойно и был полон горечи, словно мужчина пережёвывал хуанлянь [3].

— Отец-император?

— Юн Ци, Мы спрашиваем тебя: откуда ты узнал, что письмо Гун Ухуэя находится у Юн Шаня?

— Ваш сын... когда незаметно нашёл тайник Юн Шаня, нечаянно заглянул туда.

— Тогда как могло случиться, что ты узнал, что это было важным письмом? Из множества

вещей ты не взял ничего, только это письмо?

— Ваш сын не знал, важное письмо или нет, а украсть всё не посмел, так как боялся, что Юн Шань узнает, потому-то сначала подумал взять лишь что-то одно и сжечь, вымещая гнев. Поддавшись неожиданной импульсивности, не думал, что действительно выкраду вещь, от которой будет зависеть жизнь Юн Шаня.

Усмешка Огненного императора Янь-ди была не холодной, но и не тёплой:

— Тогда ты скажи Нам: во Дворце Наказаний кто этот человек, который помог тебе тайком передать письмо?

Действительно, старый имбирь всё же острее [4], одним уколом иглой отец-император пронзил уязвимое место юноши, и хоть Юн Ци уже не боялся смертной казни, однако от этого вопроса всё тело онемело.

— Ты не мог, находясь во Дворце Наказаний, лично доставить письмо наложнице Ли. У того, кто помог передать письмо, должно быть имя. Скажи, кто это?

Очень низко опустив лицо, Юн Ци покачал головой.

Тогда Огненный император Янь-ди прошептал:

— Мы знаем, что ты не хочешь отвечать.

Подняв голову, мужчина тяжело вздохнул.

В затуманенных старостью глазах промелькнул тускло-мрачный блеск, а сам император спросил голосом, который зазвучал неожиданно мягко, как и до этого:

— В тот день, когда Мы лично приехали во дворец наследного принца, чтобы навестить тебя, ты лежал в кровати и совершенно не мог вымолвить ни слова. Твоё тело было охвачено недугом, однако не настолько серьёзным, чтобы отнять у тебя голос. Так в чём же было дело?

Юн Ци в душе вздрогнул и, не смея медлить, ответил:

— Ваш сын действительно был болен. Ваш сын никчёмен и совершенно не идёт ни в какое сравнение с младшим братом. Как только наступает зима, Вашего сына сразу же охватывает слабость и в горле начинает першить от сухости.

— И наложница Ли тут не причастна? Она не прикладывала руку к этому делу, запрещая тебе

честно рассказать Нам о скрытой причине?

— Отец-император! — громко вскрикнул Юн Ци и, прижавшись к полу, дрожащим голосом проговорил: — Всем известно, что матушка относится с нежностью к Вашему сыну. Когда Ваш сын заболел, матушка день и ночь ухаживала за Вашим сыном, не в силах распустить одежду [5] и поспать. Ваш сын виновен во всех проступках, и никто не пожалеет, если он умрёт. Только отцу-императору не стоит необоснованно подозревать матушку, она правда ни в чём не виновата!

Огненный император Янь-ди не растрогался, слушая вздохи Юн Ци, что были полны сожаления, и, сохраняя на лице печаль, смешанную с радостью, спустя долгое время проговорил:

— Юн Ци.

— Ваш сын... здесь.

— Сегодня ты поведал Нам очень много тайн. Мы, получив персик, одарим сливой [6] и тоже раскроем тебе несколько тайн. — Огненный император Янь-ди двинулся, позволяя себе сесть немного прямо, посмотрел на находящегося у его ног старшего сына и, помолчав с мгновение, разомкнул губы: — Юн Шань во Дворце Наказаний подвергся пыткам, но всё же не проронил ни слова.

Лежащее у ног тело внезапно вздрогнуло.

— Твой младший брат утверждал, что Гун Ухуэй не писал никакого письма.

Юн Ци поначалу, скрежеща зубами, сдерживал слёзы и слушал слова отца-императора. Лёгкие словно разрывало на части, и, вцепившись мёртвой хваткой в толстое одеяло, что находилось перед ним, юноша разрыдался во весь голос.

Юн Шань!

Юн Шань!

Неописуемая боль, что разрывала сердце, даже душу превратила в обжигающе-горячий туман, который мгновенно разлился по всему телу и оставил после себя лишь воспоминания.

В памяти всплыла улыбка Юн Шаня. В этом мире не осталось никого: ни отца-императора, ни матушки, ни даже Юн Линя. Душа Юн Ци разрывалась от горя [7].

Юноша не понимал, с чего вдруг Юн Шань стал ценить его, не знал, зачем Небо ниспослало

ему, Юн Ци, такую судьбу и подарило частичку счастья. Чтобы потом он собственными руками разбил вдребезги и смотрел, как оно рассыпается на части?

В горле почувствовался вкус крови, сильный и безудержный кашель вырвался наружу, а взгляд упал на багряные капли, которые запачкали толстое одеяло, украшенное идеальной узорной вышивкой в виде летучей мыши.

Юн Ци, не обращая внимания на стекающую с уголка рта кровь, изогнул пальцы и, упираясь в пол, словно этой малости хватило, чтобы удержать тело, прерывисто проговорил:

— Умоляю отца-императора... даровать... Вашему сыну высочайшее позволение умереть [8]... — Фраза была прервана, перед глазами всё потемнело, а сам Юн Ци упал, потеряв сознание.

— Юн Ци! — донёлся душераздирающий крик.

Выскочив из-за занавески, наложница Ли бросилась вперёд, чёрные волосы женщины, которые почти за несколько дней стали седыми, были в беспорядке, вызывая изумление. Подскочив к императорской постели, наложница Ли опустила на колени и, протянув руки к лежащему без чувств сыну, заключила его в объятия:

— Юн Ци! Юн Ци! Матушка здесь, очнись, дитя!

Женщина осмотрела лежащего на её руках и потерявшего сознание Юн Ци. Кровь, что была в уголке его рта, ещё не засохла и медленно стекала вниз по подбородку. Испытывая сожаление и питая злобу, наложница Ли тотчас же, даже не боясь могущества государя, подняла голову и со злостью уставилась на сидящего и спокойно наблюдавшего за всей сценой Огненного императора Янь-ди. После чего со скорбью в голосе проговорила:

— У государя очень жестокое сердце! Беспощадный и злой, даже не растивший собственных сыновей. Юн Ци, в конце концов, является твоей кровью и плотью, а ты хочешь насильно довести его до смерти?

Из-за занавески выскочили ещё несколько слуг. Они получили приказ тщательно приглядывать за наложницей Ли, позволяя последней тихо скрываться за занавеской, пока Юн Ци беседует с Огненным императором Янь-ди. Слуги никак не ожидали, что женщина в порыве отчаяния окажется такой сильной, что сможет вырваться из сдерживающих её рук. Увидев, что наложница Ли уже оказалась возле императорской кровати, придворные тотчас же спешно опустились на колени, прося снисхождения.

— Может, он не умрёт? — Огненный император Янь-ди махнул рукой, заставляя слуг пасть ниц, и, переведя взгляд на наложницу Ли, внезапно понизил тон: — Даже если он сейчас не умрёт, то через несколько дней Мы всё равно приговорим его к смерти, ведь ты тоже слышала, что он признался в преступлении.

— Когда государь хочет приписать вину, за основаниями дело не станет? Государь такой мудрейший, однако, когда Ваши два сына солгали, Вы и понять не смогли? — одной фразой наложница Ли дала отпор.

Огненный император Янь-ди, плотно сжав губы, не проронил ни слова.

Под строгим и весомым взглядом императора тело наложницы Ли похолодело, а сама женщина, не сдержав себя, пала ниц.

Она тоже была умной женщиной, которую в очередной раз настигло несчастье: Юн Ци ни с того ни с сего вновь заключили во Дворце Наказаний, а её заточили во дворец наследного принца. К тому же сегодня вечером её внезапно пригласили на аудиенцию, где, стоя за занавеской, женщина услышала слова императора и уже догадалась, что Огненный император Янь-ди хочет вычистить без остатка всё царящее во дворце зло.

Надвигающийся ливень был неизбежен.

Кто в этом мире способен противостоять императорской власти?

Всего лишь мгновение — и наложница Ли уже всё поняла.

Огненный император Янь-ди давно всё узнал, как будто смотрел на огонь, и намеревался поймать женщину в её же ловушку [9].

Только смертью можно было искупить свой грех, не менее!

Наложница Ли с грустью посмотрела на юное изящное лицо лежащего в её объятиях Юн Ци, с силой закусил нижнюю губу, приказывая себе немного прийти в себя, подняла голову и, словно отрезая пути к отступлению [10], проговорила:

— Разве Ваша наложница, что на протяжении двадцати лет следовала за государем, ещё может оставаться скрытной? Не нужно больше вынуждать Юн Ци, Ваша наложница полностью признаёт свою вину. Это Ваша наложница вынудила Юн Ци выкрасть письмо Гун Ухуэя. В недавнем прошлом Ваша наложница связывалась с императорским секретарём, и к его отравлению в императорской тюрьме причастна не только Ваша наложница, но и даже члены семьи наложницы Цзинь. Если государь захочет всё подробно расспросить: кто связывался, кто принёс яд, кто помогал — Ваша наложница всё напишет. Ваша наложница спланировала преступление, и отвечать будет тоже она. Только умоляю государя об одном: Юн Ци по характеру наивный, порядочный и робкий, он действительно никому не причинил вреда, прошу государя... умоляю тебя, как отца-императора, пощади своего сына!

Выпустив из рук сына, женщина бросилась к ногам Огненного императора Янь-ди и, обняв их, залилась слезами.

Это тронуло мужчину.

Весь народ Поднебесной считал, что быть императором легко. Каждый бросался к ногам государя, и, лишь вымолив кивок Его Величества, людям даровалась милость, дождь проходил, небо прояснялось, и всё расцветало с наступлением весны.

Однако, кто бы мог подумать, что жизнь императора заключена в шипы терновника, и издавна государи прилагали много усилий, от которых было мало толку.

Обнимающая ноги наложница Ли вошла во дворец в том же году, что и наложница Шу, и случилась их первая встреча за стенами императорского дворца на большой площади.

Покосившиеся, пышно взбитые причёски, красные юбки, действия с оглядкой и кокетливой улыбкой — такими эти две девушки двадцать лет назад встретились друг с другом.

Сейчас, хоть старость не тронула их облик, привлекательности больше не было, и виски уже запорошены сединой.

Старшее поколение уже достигло последнего предела, однако сыновьям всё ещё предстояло пройти очень длинный путь.

Придя в себя, Огненный император Янь-ди заметил, как ладонь, коснувшись волос наложницы Ли, не спеша, как и раньше, гладила их.

— То, что ты сделала, непростительно. Однако императорский дом всё ещё хранит честь, и Мы не предадим тебя публичной казни. — Мужчина тихо поднял лицо наложницы Ли и со вздохом сказал: — Когда смерть настигнет Нас, ты сразу же присоединишься к Нам. Если ты покорно выполнишь свою часть искупления, тогда Мы тотчас же станем оберегать жизнь и благополучие нашего сына.

Вздвогнув, наложница Ли тотчас же успокоилась.

Женщина, сознавшись в таком серьёзном преступлении, так или иначе не скрылась бы от смерти, а последовать в могилу за императором являлось благопристойнее, чем покрыть себя позором. Наложница Ли, неспешно слегка кивнув, помолчала, после чего шёпотом спросила:

— Какое государь думает вынести решение насчёт наложницы Шу?

Огненный император Янь-ди тотчас же пал духом.

Мужчина давно догадался, что наложница Ли может задать этот вопрос, однако перед тем, как женщина разомкнула губы, всё ещё оставался проблеск надежды. Если бы только он,

император, находился на пороге смерти, его слова стали бы добрым посланием [11], а во дворце старая вражда, возможно, на некоторое время прекратилась бы.

В итоге, услышав слова наложницы Ли, старый император почувствовал, как печаль, что охватывала грудь, подобралась к горлу, срываясь с губ тихим вздохом.

После долгого молчания мужчина произнёс с нотками боли:

— Вы с наложницей Шу, по-видимому, вместе жили и вместе умрёте.

На глазах любимой наложницы Огненный император Янь-ди приказал У Цаю войти в зал:

— У Цай, немедленно отправляйся во дворец наложницы Шу и объяви ей Нашу высочайшую волю.

Огненный император Янь-ди сделал паузу и, подумав, что эти слова нельзя изложить тушью на бумаге, был вынужден передать из уст в уста. Закрыв на мгновение глаза, а потом вновь открыв их, мужчина сказал, подчёркивая каждое слово:

— Передай ей Наш указ: после Нашей смерти наложница Ли вместе с наложницей Шу последуют за Нами в могилу [12].

У Цай никак не думал, что полночная воля императора неожиданно окажется повелением смерти. От испуга тело евнуха ослабло, а сам слуга рухнул на колени.

Над головой вновь донёсся холодный и безжалостный голос Огненного императора Янь-ди:

— Увидишь наложницу Шу, скажи ей: если она хочет, чтобы Юн Шань благополучно вступил на престол, ей нужно как можно скорее сделать выбор. Матушка умрёт, сын останется; матушка останется, сын умрёт. Пусть сделает собственный выбор.

У Цай, всё ещё стоя на коленях, дрожал.

— Есть ещё повеление, хорошенько запомни каждое слово и от Нашего имени передай наложнице Шу. — Мужчина похлопал себя по груди, зайдясь в остром приступе кашля. И спустя долгое время, пока не прошла одышка, император Янь-ди медленно проговорил: — Не нужно удивляться Нашей жестокости. Мы тоже являемся человеком, к тому же вторая наложница должна понять, что ей выпала редкая супружеская милость присоединиться к Нам, едва лишь Наше тело остынет, и это вовсе не потому, что Мы не трепетно любим собственную наложницу. К сожалению, Мы оставим наших сыновей сиротами, Нашу плоть от плоти, однако нельзя позволить коварству вырваться наружу, иначе после Нашей смерти это может привести к гибели ещё двух сыновей. Если сохранить жизнь наложнице Шу, то она не пощадит ни Юн Ци, ни Юн Шэна. Зло, что охватывает императорскую наложницу, Мы также хотим забрать с собой в могилу.

Последние слова хоть и звучали, словно сталь, однако глаза Огненного императора Янь-ди были полны слёз.

С трудом сдерживая себя, мужчина махнул рукой:

— Скорее иди и передай Нашу волю.

У Цай, плача, поднялся с колен и, смахнув слёзы с глаз, вышел из ворот дворца.

Холодный ветер, что витал снаружи, воспользовался на мгновение приоткрытой дверью и, ворвавшись внутрь, с унылым завыванием облетел пустой зал.

Издав высочайший указ и отослав У Цая, мужчине на мгновение показалось, что он постарел лет на десять. Некоторое время он сидел, застыв, после чего обернулся и, посмотрев на обессиленно сидящую у его ног наложницу Ли, с мрачной улыбкой спросил:

— Ты довольна?

Наблюдая, как государь объявляет высочайшую волю, даровав наложнице Шу милость проследовать за ним в могилу, наложнице Ли следовало бы обрадоваться, однако сейчас у неё не было ни одной мысли в голове, лишь царящий в сердце холод сковывал льдом, бледно-синий оттенок окрасил лицо, а сама женщина дрожащим голосом проронила:

— Государь...

Однако Огненный император Янь-ди остановил её, со вздохом сказав:

— Не говори, ничего не говори. Эй, кто-нибудь!

Подозвав к себе слуг, мужчина указал на лежащего без сознания Юн Ци и сказал:

— Возьмите Юн Ци и отправьте обратно во Дворец Наказаний. Позовите к нему Чень Яньсяня, пусть он осмотрит Нашего сына и хорошо о нём позаботится, чтобы больше его не тревожили приступы недолеченного недуга.

Двое слуг, проронив: «Слушаемся», прошли в зал и с осторожностью подняли Юн Ци.

— И ещё, скажите главному чиновнику, отвечающему за Дворец Наказаний, Мэнь Ци, чтобы преподал урок заточённому Нами Его Высочеству Юн Шэну за его невежество и заносчивость. Пусть Мэнь Ци выполнит это дело добросовестно, но не прибегает к, слишком жестоким мерам. Юн Шэн хоть и совершил грех, однако, если ему навредят во Дворце Наказаний, Мэнь

Ци расплатится за это собственной жизнью. — Закончив говорить, Огненный император Яньди, качая головой, вздохнул: — Все говорят, что из четырёх наших сыновей лишь Юн Линь очень непослушен, разве это так? Никто не знает сына лучше его отца. Юн Шань и Юн Ци пошли против морали, заставив нас чувствовать себя неловко; Юн Шэн бросал жадные взгляды на престол, заставляя нас опечалиться. И лишь Юн Линь, видимо, давая волю своему нраву, навлекает на себя несчастье, однако на самом же деле он самый беззаботный. Тогда в чём его вина? Разве можно считать его непослушным? Все говорят, что у нас выборочная симпатия. Ах, стадо слепцов!

Примечания:

[1] Обр. в знач.: император, государь.

[2] Казнь «тысячи надрезов».

[3] Коптис китайский (лат. *Coptis chinensis*), или как его ещё называют «китайская золотая нить».

[4] Обр.: пожилые имеют много опыта; ср.: старый конь борозды не испортит.

[5] Обр.: быть в постоянных заботах, быть очень загруженным, ухаживая за больным.

[6] Обр.: отблагодарить, ответить любезностью на любезность.

[7] В оригинале фраза звучит как «печень и внутренности разрываются на мелкие кусочки», обр. в знач.: сердце кровью обливается, душа разрывается от горя; страдать.

[8] Т.е. повелеть покончить самоубийством.

[9] В оригинале фраза звучит как «прошу Вас, сударь, пожаловать в котёл!», что означает «попались, уважаемый!». Первоначально эти слова были сказаны тайно назначенным следователем Лай Цзюньчэнем преступному сановнику Чжоу Син эпохи Тан после того, как последний рекомендовал ему сажать в раскаленный котёл несознающих преступников. Обр.: попадаться в собственную ловушку.

[10] В оригинале фраза звучит как «разбить котлы, потопить лодки», обр. в знач.: стоять насмерть, отрезать себе путь к отступлению, сжечь мосты, не отступать, не сдаваться.

[11] В оригинале фраза звучит как «завещание умирающего человека бывает щедрым, а пение умирающей — птицы печальным», обр. в знач.: лебединая песня; альтернативный вариант: «Слова человека на смертном одре всегда исходят из сердца».

[12] В Китае существовал ритуал предавать погребению вместе с покойником его жен, наложниц, рабов, предметы, которые понадобятся ему в загробном мире.